

11. Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Нальчик, 2004.

12. Филькин В.И. Патриотизм трудящихся Чечено- Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.

УДК 308; 93/94

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ИЗУЧЕНИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ⁶

ORAL HISTORY IN THE STUDY OF MILITARY DAILINESS

Е.М. Горюшина,

*научный сотрудник лаборатории политических исследований ФГБУН
«Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии
наук», г. Ростов-на-Дону, Россия*

E.M. Goryushina,

*Researcher, Laboratory for Political Studies, Federal State Budgetary Institution of Science
“Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences”,
Rostov-on-Don, Russia*

В статье рассматриваются ключевые этапы становления устной истории и ее роли в изучении военной повседневности. Особое внимание уделяется ее развитию за рубежом. Ключевыми событиями, побудившими многих исследователей обратиться вместо архивных источников (или в дополнение к ним) к устным свидетельствам очевидцев, стали Вторая мировая война (1939–1945 гг.) и война во Вьетнаме (1964–1975 гг.). По мере эволюции устной истории формировались новые теоретико-методологические сегменты, в частности, выделились исследования памяти. Со временем устная история трансформировалась в обширную междисциплинарную область изучения памяти, где ключевым инструментом становится метод интервью.

Ключевые слова: *устная история, война, метод интервью, исследования памяти.*

The article discusses the key stages in the development of oral history and its role in the study of military dailiness. Particular attention is paid to its evolution abroad. The key events that prompted many researchers instead of archival sources (or in addition to them) to the oral evidence of eyewitnesses were the World War II (1939–1945) and the Vietnam War (1964–1975). As oral history evolved, new theoretical and methodological segments were formed, mostly, memory studies were highlighted. Over time, oral history has transformed into a vast interdisciplinary field of memory studies, where the interview turned into a key tool.

Keyword: *oral history, war, interview method, memory studies.*

В течение трех последних десятилетий сложились целые комплексы устных источников о военном времени, многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, часть размещена в электронных СМИ. В последнее время рассказы участников военных событий фиксировали, наряду с отдельными исследователями и рабочими группами, созданными на временной основе, специально созданные центры устной истории: Центр устной истории и биографии Международного Мемориала, Центр устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Региональный центр устной истории Воронежского государственного педагогического университета (в настоящее время – Научно-образовательный центр устной истории Воронежского института высоких

⁶ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» за 2020 г.

технологий), Центр устной истории и визуальной антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Научно-образовательный центр «Устная история» Южно-Уральского государственного университета, Центр устной истории Тюменского государственного университета, Центр устной истории Петрозаводского государственного университета, Центр устной истории Музея Новосибирска и многие другие. Часть из них уже прекратила свою деятельность, другие продолжают собирать материалы. Значительное число центров устной истории заняты изучением Великой Отечественной войны, сбором воспоминаний о материальном быте, культуре и мировоззрении в условиях городского пространства в начале XXI в.

В США первый центр устной истории был открыт еще в 1948 г. при Колумбийском университете (*Columbia University Center for Oral History Research; CCOHR*). В 1967 г. в США была создана Ассоциация устной истории (*Oral History Association; ОНА*), а в 1973 г. подобная организация – *Oral History Society; OHS* – появилась в Лондоне.

С 1970-х гг. устная история в Великобритании трансформировалась из метода фольклорных исследований в ключевой компонент социальной истории [1, с. 180-191], предполагающий, что неакадемическое общество может активно принимать участие в конструировании истории. Феминистки и особенно представители партии лейбористов активно проявляли недовольство способностью традиционной истории передавать опыт «бессильных» и маргинальных слоев общества, в том числе рабочего класса, женщин, меньшинств и иммигрантов. Поскольку традиционная история основывалась на письменных документах, хранящихся в архивах, социальная история, включая гендерные вопросы, нуждалась в сборе личных историй различных социальных групп населения. Интервью как метод устной истории позволил восполнить пробелы в историографической традиции. Многие зарубежные специалисты по изучению устных свидетельств среди очевидцев насилия [2] [3] подчеркивают значимость устной истории, которая применялась, в частности, для изучения Холокоста, политического насилия и травмированных обществ XX в. Латинской Америки, Южной Африки, Ирландии, Индии и др. Ранние практики использования устной истории напоминали, скорее, средство выражения голоса «молчаливого» или «низшего», а методологически тяготели к антропологической традиции представления общества по вертикали (снизу-вверх), в которых главенствующими стал не столько предмет исследования, сколько сопутствующие нарративу эмоции и чувства очевидцев. Устная история столкнулась с методологическими дилеммами, обозначив необходимость обсуждения этики и рефлексии.

По мере развития устной истории появлялись новые теоретико-методологические аспекты [4, с.475-480], приведшие к отделению смежной отрасли знаний – исследования памяти (*memory studies*). Новая область знаний нуждалась в разработке собственных теоретико-методологических конструктов и инструментов сбора информации о воспоминаниях, постепенно вбирала в себя элементы из различных наук: истории, психологии, литературы, антропологии, социологии, гендерных исследований, политической науки и др.

Центры-пионеры устной истории, созданные в США и Великобритании, не были изначально ограничены сбором воспоминаний исключительно о военном прошлом, как это зачастую происходило в период формирования данного направления в России [5, с. 522–545]. Напротив, первые зарубежные центры обозначали широкий спектр задач по сбору устных свидетельств в области окружающей среды, миграции, психосоциальной поддержки в обществе, гендерных вопросов. Справедливо утверждать, что развитие устной истории в мире стало ответной реакцией на «застывшую» академическую историю, основанную на письменных источниках.

Устная история приобретает новые очертания, начиная с 1970-х гг. Она по-прежнему является одним из важнейших инструментов воссоздания, забытых или забываемых историй. Если ранее специалисты по устной истории стремились записать очевидцев какого-либо исторического события, то теперь устная история чаще рассматривается в качестве

автобиографического метода, основанного на субъективности рассказчика [6, с. 20-39]. Развитие устной истории в 1970-х гг. потребовало пересмотра концептуальности самой истории. С другой стороны, ключевыми событиями, побудившими многих исследователей обратиться вместо архивных источников (или в дополнение к ним) к устным свидетельствам очевидцев, стали Вторая мировая война (1939–1945 гг.) и война во Вьетнаме (1964–1975 гг.). Разнообразные источники об этих двух войнах традиционно называют одними из первых широко признанных попыток написания военной истории на основе метода устной истории.

Анализ отдельных исследований по теме устных источников о событиях Второй мировой войны заставляет обратить внимание на коллективную работу под руководством доктора Л. Тафт из Университета Висконсина в О-Клэр [7, с. 38-43]. Несмотря на то, что статья носит узкопрофильный характер и посвящен гериатрической помощи пожилым людям (в том числе и ветеранам боевых действий), исследование напрямую касалось записи устных свидетельств о военной повседневности обозначенного периода. Согласно исследованию Тафт, участники этого устного исторического проекта – преимущественно люди пожилого возраста со скандинавскими, голландскими, немецкими и английскими корнями. Респонденты предоставили возможность записать воспоминания на темы проявления патриотизма, потери во время войны, эмоционально-психологических кризисов, временного проживания на чужой территории, самодостаточности и путешествия без какой-либо уверенности в достижении конечной точки. Основная гипотеза Тафт заключалась в том, что запись воспоминаний о военной действительности, разумеется, является вмешательством в индивидуальную память респондента, впрочем, которая также может гуманизировать гериатрическую помощь в дополнение к исторической значимости полученных нарративов о войне. С точки зрения Тафт и её исследовательского коллектива, устная история способна создать культуру улучшения терапевтической среды для проживания травм войны.

Таким образом, со временем устная история превратилась в обширную междисциплинарную область исследований памяти, которая изучает ее с помощью обращения к методу интервью. Устная история диалогична, представляет собой продукт диалога между интервьюером и интервьюируемым, разговор, в котором первый побуждает второго воссоздавать воспоминания о себе в прошлом. По этому поводу следует привести важный тезис известного специалиста по качественным исследованиям (в том числе по интервью) Ирвинга Сейдмана, для которого «цель глубинного интервью состоит не в том, чтобы получить ответы на вопросы или проверить гипотезу <...> Корень глубинного интервью – это интерес к пониманию жизненного опыта других людей, степень значения этого жизненного опыта для них» [8, с.9]. Профессор Римского университета Ла Сапиенца Алессандро Портелли уточняет, что во время интервью респонденты, как правило, раскрывают ранее неизвестные аспекты событий, или даже описывают донныне неизвестные стороны повседневности [9, с. 149–194]. В ходе интервью респонденту предлагается воссоздать свои собственные воспоминания и (или) интерпретировать их на основе предлагаемых вопросов.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что интервью – исследование коллективного и конструктивного характера. Портелли также утверждает, что интервьюеру следует всецело сосредоточиться на интервьюируемом с целью фиксации рассказа, которым респондент может поделиться. И, вероятно, полученный рассказ будет отличаться от того, что интервьюер желал услышать. Поэтому очевидно, что структурированное интервью, основанное на стандартной анкете заранее подготовленных вопросов, в меньшей степени скажется на глубине записи устного свидетельства. Несмотря на предварительно подготовленный интервьюером список вопросов, как правило, респонденту задается ряд дополнительных и уточняющих вопросов. Интервьюируемые по-разному воспринимают одни и те же вопросы, а их ответы могут варьироваться по длине, сложности и неоднозначности, что влечет за собой невозможность сопоставления ответов всех респондентов, подведения их к какому-либо усредненному показателю. Впрочем, с точки зрения британского историка и специалиста по устной истории Пола Томпсона, «отсутствие

заранее продуманной повестки интервью или идей ведет к беспорядочным интервью, когда основная цель состоит в записи устного свидетельства, а не поиске информации» [10, с.227]. Ценность подобного нарратива проистекает из информации о том, что происходило с респондентом в прошлом, которое зачастую невозможно восстановить другими средствами, а также из того, как он (респондент) запоминает и выражает свой прошлый опыт.

Следовательно, фиксация нарратива в рамках устной истории выходит за пределы записи «отчетных» интервью очевидцев о событиях прошлого. Рассказ об опыте, по мнению представителей постструктурализма Джоан Уоллак Скотт и Джудит Батлер, сам по себе является средством, с помощью которого субъекты буквально составляют себя [11, с. 773-797] [12, с. 4-24]. Вместо того чтобы рассматривать субъективность устной истории как существенное препятствие для сбора объективных данных, специалисты в этой области стали рассматривать устную историю как предоставление особой возможности для изучения исторического предмета.

Литература:

1. Чурсанова И.А. Проблема соотношения истории и социальной памяти: опыт теоретической реконструкции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 2. С. 180–191.
2. Robben A.C. Political violence and trauma in Argentina. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2005. 480 с.
3. Rogers K.L., Leydesdorff S., Dawson G. (ed.). Trauma: Life stories of survivors. Transaction Publishers, 2004. 262 с.
4. Miller Rosser K. et al. Analysing oral history: A new approach when linking method to methodology // International Journal of Nursing Practice. 2009. Т. 15. № 5. С. 475–480.
5. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. № 2. С. 106–126.
6. Wilson R.A. Combining historical research and narrative inquiry to create chronicles and narratives // The Qualitative Report. 2007. Т. 12. № 1. С. 20–39.
7. Taft L. B. et al. Oral history: Validating contributions of elders // Geriatric Nursing. 2004. Т. 25. № 1. С. 38–43.
8. Seidman I. Interviewing as qualitative research: A guide for researchers in education and the social sciences. Teachers College Press, 2006. 162 с.
9. Portelli A. Oral history: a collaborative method of (auto) biography interview // The Practice of Qualitative Research, SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, 2006. С. 149–194.
10. Thompson P. The voice of the past: Oral history. New York: Oxford University Press, 1978. 504 с.
11. Scott J.W. The evidence of experience // Critical inquiry. 1991. Т. 17. № 4. С. 773–797.
12. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity // Political Theory. 2005. Т. 4. С. 4–24.